

УДК 821.161.1.0

ЦЕННОСТИ МУЖСКОЙ ДУШИ В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «НОС»

© С.В.Синцова

Предложена интерпретация повести «Нос» в гендерном аспекте: сбежавший нос Ковалева рассмотрен как символ ценностей дюжинной мужской души, отказавшейся от поисков своей женской сущности.

Ключевые слова: гендерная проблематика, символ, душа, мужские ценности.

Интерпретации повести «Нос» не раз предлагались литературоведами¹. В этой статье также будет предложено прочтение этой повести, но с точки зрения гендерной проблематики. В ряде публикаций нами не раз высказывалась мысль, что эта проблематика является циклообразующей для «Петербургских повестей», включая отрывок «Рим» [2: 130-168]. Экспозиция этой проблематики представлена в повести «Невский проспект» [2: 132-140]. В повести «Нос» эта проблематика во многом влияет на понимание основных образов, деталей, символов. Ключевая из этих деталей – нос. Его исходным значением в повести становится честолюбие «маленького человека». Новоиспеченный коллежский асессор не просто ищет место в петербургских коллегиях, но ищет места, «приличного своему званию». А приличествует ему вице-губернаторская должность, в худшем случае экзекуторская. Не следует забывать, что своего коллежского асессора Ковалев не выслужил в чиновничьей среде, а получил на Кавказе. Поэтому чин его как бы не очень заслужен им. Тем не менее претензии новоиспеченного майора явно завышенные. Вряд ли он когда-нибудь сможет удовлетворить их в реальном социальном окружении. Поэтому нос, странным образом отделившись от своего хозяина, реализует эту скрытую и сильную надежду побыть кем-то, кем майор Ковалев никогда не будет. Неслучайно нос появляется сразу в чине статского советника.

Но не только чин важен герою, как обнаруживает дальнейшее повествование. Чин влечет за собой совершенно иные условия жизни в Петербурге. Нос разъезжает в дорогой коляске, его мундир сверкает золотом, на его шляпе плюмаж, а сбоку висит шпага. Он живет в дорогой квартире. Ясно, что весь этот блеск и достаток ничуть не меньше влекут Ковалева, чем только чин. Скрытым препятствием на пути реального достижения этих целей становятся психологические особенности персонажа. Они обнаруживаются в

момент беседы майора со своим чиновным носом в Казанском соборе. Бывший хозяин сбежавшей части тела долго не решается вступить в беседу. Похоже, он очень робок, что проявляется в сбивчивости его речи, обращенной к носу. В противовес Ковалеву тот ведет себя уверенно, четко и ясно формулирует мысль, явно имеет изворотливый ум и не теряет хладнокровия. В этом психологическом противопоставлении образ носа как воплощенной мечты и цели Ковалева обретает еще одно измерение: персонаж хотел бы скорее всего иметь такие же психологические особенности, которыми обладает его сбежавший нос. Но нос – не только воплощение желаний и амбиций майора. Он еще и его скрытый противник, над которым необходимо одержать победу, ведь нос лишил его почти всех радостей жизни, радости одинокого холостяка. Теперь он не может даже пройтись по улице, пофлиртовать с женщиной, получить должность. Неслучайно вместе с носом к герою возвращаются все эти мелкие удовольствия, такие как шоколад, выпитый в кондитерской, превосходство над соперниками-мужчинами (военным с носом размером с жилетную пуговицу), желание волочиться за женщинами, держать себя с ними уверенно (встреча со штаб-офицершей и ее дочерью).

Все эти особенности поведения Ковалева являются скрытыми характеристиками важных для него ценностей жизни (склонность к чревоугодию, нахальство, желание выставить себя в лучшем свете). Все эти особенности сбежавший нос как бы украл у Ковалева. Приемщик газетных объявлений записал того, кого разыскивал Ковалев, «дворовым человеком Носовым». В результате жизнь сбежавшего выглядит так, как будто он наслаждается тем, что украл у своего господина.

Похищенные у Ковалева радости жизни также косвенно характеризуют некий строй его души. То, к чему она влечется, без труда угадывается читателем: и амбициозность, и самодовольство, и стремление выглядеть в глазах окружающих лучше. Это душа мелкая, хвастливая, дю-

¹ См. подробнее [1].

жинная. В литературоведении часто сопоставляют майора Ковалева с поручиком Пироговым из «Невского проспекта». Эти параллели с гоголевскими персонажами можно было бы продолжить, обнаружив некоторые из довольно существенных для смыслообразования интертекстуальных связей в рамках гоголевского творчества.

Такого рода связи можно наметить между еще двумя персонажами. Один из них – Подколесин из пьесы «Женитьба». Особенно отчетливо сходство Ковалева с Подколесиним «проступает» в конце повести, когда обладатель вернувшегося носа решает отказаться от мысли о женитьбе на дочери штаб-офицерши Подточиной. Этот разрыв – подобие бегства Подколесина из окна гостиной своей невесты. Данная параллель сообщает образу майора черту свободолюбия и одновременно страха перед всякими ограничениями этой свободы, которая оказывается скрытым, но особенно важным центром его системы ценностей. Свобода или ее ограничения повлекут лишения, сходные с теми, которые сопровождались бегством носа: Ковалев не сможет обрести все маленькие радости холостого и достойного существования. Так, у образа потенциальной жены Ковалева возникает глубинное сходство с образом носа-похитителя (дворового Носова).

Ассоциации с финалом «Женитьбы» сообщают и образу носа новые оттенки значений. Мотив бегства устанавливает наиболее отчетливую связь Подколесина не столько с самим Ковалевым, сколько с его носом. Поэтому бегство последнего от хозяина выглядит так, как будто нос спасался от некоего подобия «пут» и ограничений, воплощенных теперь в Ковалеве (он – подобие Агафьи Тихоновны, свахи, Кочкарева). Соответственно, этот смысловой оттенок сообщает мелким ценностям и радостям жизни майора оттенок крайней ограниченности, неких тяжелых «вериг жизни», от которых можно выскочить в подобие окна: в достойную жизнь статского советника с ее блеском (золото), уверенностью в себе, духовными интересами (нос молится в соборе).

Помимо Подколесина, Ковалев может быть ассоциирован с Хомой Брутом (повесть «Вий»). Гоголь намекал на особый созерцательный склад характера этого персонажа, когда философ попал на хутор, принадлежащий отцу панночки-ведьмы. Осматривая хутор и окрестности, Хома с удовольствием размышлял, что славно зажил бы в подобном месте, спокойно, сыто, неспешно, на лоне природы. Вот эти мечты о спокойных, но мелких радостях обыденного существования и устанавливают черты сходства Брута с Ковалевым, которого привлекали и хорошенькие лица

дам, и кареты на Невском, и лица друзей-приятелей, и афиши с объявлениями о спектаклях, в которых он хотел бы увидеть премиальную актрису.

Двойную ассоциацию – с повестью «Вий» и с «Повестью о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» – поддерживает еще один общий мотив: постоянного заглядывания в зеркало. Этот бытовой и одновременно психологически мотивированный мотив повести «Нос» обретает скрытое мистическое измерение (смысл), если вспомнить о встрече взглядами Хома и Вия. В предложенной нами интерпретации этот эпизод повести из цикла «Миргород» означает встречу героя с воплощением своей дюжинной и одновременно страшной душой (ее мужской ипостасью) [2: 104-105]. Поэтому Ковалев, смотрящийся в зеркало в ожидании, что нос окажется на месте, смотрит на себя, но как бы лишеной своей мужской сути. Так, образ носа косвенно обретает значение отделившейся от Ковалева души. А момент воссоединения хозяина со своей частью тела чреват потенциальной катастрофой: вместившаяся в тело душа (или воссоединившаяся с ним) способна уничтожить хозяина, как бы поглотить его (гибель Хома).

Но этот потенциальный сюжетный ход не получает своей реализации в повести «Нос». Напротив, майор обретает подобие счастья и душевной гармонии. В результате мотив смотрения в глаза подобию своего двойника-отражения обретает иные ассоциативные связи: со случайно встретившимися на «ассамблее» губернатора Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем. В их смотре друг на друга есть жалкое подобие кульминационной сцены из «Вия». Но эта встреча взглядами обещала возможный сюжетный ход: примирение двух старинных приятелей. Именно этот потенциальный поворот сюжета реализован в повести «Нос», сообщая ее финалу оттенок торжества и непреходящей теперь радости существования. Смотрясь в зеркало, довольный майор как бы делает еще один шаг навстречу самому себе: заказывает шоколад и одновременно бросает взгляд в зеркало, пересекает приемную департамента и смотрит в зеркало, проверяя, действительно ли нос на месте. И даже встреча со знакомыми, обычно реагирующими на него, содержит скрытый мотив зеркала, благодаря которому Ковалев убеждается, что у него на лице все, как было раньше.

Ассоциации с «Вием» и «Повестью...» о двух Иванах сообщают особую смысловую значительность эпизоду возвращения носа. У финала появляется скрытое мистическое значение: поскитавшаяся по миру душа, воплотившаяся в но-

се, как бы собрала для своего хозяина новый опыт жизни. Но это был не опыт страдания и боли, как в повести «Вий», а опыт иной, счастливой и достойной жизни, куда майору Ковалеву не было дороги. И тогда душа совершила для него нечто вроде подвига: выскочила в подобие окна (как кошечка Пульхерии Ивановны), удовлетворила самые смелые свои мечты и чаяния (кошечка сбежала к котам лес) и, вернувшись неожиданно, принесла обретенную ею радость и полноту жизни ничего не понявшему Ковалеву. Но интуитивно он чувствует те «дары», что прихватила для него в заветном «лесу»-жизни его смелая и свобододлюбивая душа-«кошечка». Неслучайно «... после того майора Ковалева видели вечно в хорошем юморе, улыбающегося, преследующего решительно всех хорошеньких дам и даже... покупающего какую-то орденскую ленточку».

Ирония Гоголя в отношении своего персонажа особенно отчетливой становится к финалу повести. Вновь обретя столь неожиданно утраченные мужские радости и удовольствия, Ковалев даже не стремится жениться. Отсутствие это-

го желания – свидетельство неожиданной трансформации мотива поиска мужчиной утраченной женской части его души, а именно этот мотив был сформирован в первой повести цикла.

Таким образом, в повести «Нос» намечается весьма необычное осмысление Гоголем гендерной проблематики: мужчине как бы и не нужно обретение своего женского начала, с которым до сих пор был связан комплекс возвышенно-мистических мотивов («Тарас Бульба», «Вий», «Женитьба» и др.). Напротив, какая-то часть мужчины стремится избавиться от того, что связано с его женской ипостасью, поскольку погоня за возвышенными ценностями способна лишить его мелких радостей существования.

* * * * *

1. *Бочаров С.Г.* Загадка «Носа» и тайна лица // Гоголь: история и современность. – М.: Сов. Россия, 1985. – С. 180 – 212.
2. *Синцова С.В.* Тайны мужского и женского в художественных интуициях Н.В.Гоголя. М.: Флинта, Наука, 2011. – 246 с.

THE VALUES OF A MALE SOUL IN NIKOLAI GOGOL'S STORY «THE NOSE»

S.W.Sintsova

The article interprets the story “The Nose” in the gender aspect: Kovalev’s escaped nose is considered as a symbolic representation of the superior essence of a male soul that has given up the search of its feminine essence.

Key words: gender issue, symbol, soul, male values.

* * * * *

1. *Bocharov S.G.* Zagadka «Nosa» i tajna lica // Gogol': istoriya i sovremennost'. – M.: Sov. Rossiya, 1985. – S. 180 – 212.
2. *Sincova S.V.* Tajny muzhskogo i zhenskogo v xudozhestvennyx intuiциyah N.V.Gogolya. M.: Flinta, Nauka, 2011. – 246 s.

* * * * *

Синцова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков ВГБОУ ВПО «Казанский государственный энергетический университет».

Sintsova S.W. – Doctor of Philology, Professor, Kazan Power Engineering University

51 Krasnoselskaya Str., Kazan, 420066, Russia
E-mail: esintsov@mail.ru

Поступила в редакцию 04.07.2013